

Табачков О. П.

17.08.05

Известия - 2005 - 17 авг. - стр. 1.

«Я не рефлексирующий, я — бульдозер»

19

Один день Олега Табакова

Сегодня руководителю МХТ имени Чехова и «Табакерки» народному артисту России Олегу Павловичу Табакову исполняется семьдесят лет. Специальный корреспондент «Известий» **Артур Соломонов** провел с Олегом Табаковым один день перед юбилеем. → стр. 10

ФОТО: ИГОРЬ ЗАХАРКИН «ИЗВЕСТИЯ»

«Я не рефлексирующий, я — бульдозер»

Десять часов утра. Из подъезда дома на улице Расплетина выходит Олег Табаков с сыном Павлом. На этот раз прогулка будет короткой — у отца много дел, и Табаков-младший относится к этому с пониманием. Павел слегка стесняется фотокорреспондента, который вращается вокруг него, но стойко выдерживает испытание. Попрошавшись с Павлом, мы направляемся в больницу, где врачи должны провести экстренную проверку состояния здоровья худрука МХТ. Табаков сетует, что дотянул с этим до последнего дня — завтра он отбывает в Венгрию на съемки. Не было времени: на плечах Табакова два театра, съемки, он занят в спектаклях МХТ и «Табакерки», а вчера был конкурс в Школе-студии МХАТ. Табаков долгое время был ректором этого вуза.

Известия: Я слышал, что, когда вы приезжаете преподавать в Америку, к вам приходят учиться как молодые актеры, так и те, кто уже давно играет на сцене.

Табаков: У американцев, в отличие от нас, есть наивная вера в то, что они всему могут научиться. Давно я подрабатывал тем, что вел курсы в американских университетах. И на занятиях появлялся Мюррей Абрахам, который играл Сальери в фильме «Амадей» Милоша Формана. Прошли сутки — и появился Дастин Хоффман. Эта почти святая вера — я хочу, я могу, я буду — производит очень сильное впечатление. Американцев как учеников я бы поставил почти вровень с русскими. В американской школе, где я впервые преподавал, среди прочих были двое парней из Техаса — одному шестнадцать лет, другой еще моложе. И были еще два профессиональных актера — одному шестьдесят семь, другому — под шестьдесят. И эти четверо были самыми лучшими учениками (смеется). Конечно, это можно объяснить нашей поговоркой «Что старший, что младший» — но дело не только в этом.

Подъезжаем к клинике, Олег Павлович уходит диагностироваться, а мы с шофером Дмитрием выходим покурить. Я интересуюсь, нужно ли проходить какой-то конкурс, чтобы стать шофером Олега Табакова? Не по актерскому мастерству, но все же? Он отвечает обстоятельно: «Я возил народных артистов, им нравилось. Меня порекомендовали Олегу Павловичу, он две недели присматривался — и взял. У нас такое правило — мы возим народных на спектакль, увозим домой после спектакля, ну когда им нужно в больницу или еще куда. Конечно, актеры вроде Семчева или Пореченкова добираются сами — молодые еще. С моим напарником мы возим Олега Павловича через два дня». — «Как его зовут?» — «Тоже Дима. Чтобы Олег Павлович не путался» (смеется). Олег Павлович возвращается и оповещает, что вроде бы все в порядке, врачи результатами довольны. Я интересуюсь, не продолжает ли он курить трубку.

Табаков: Не разрешают, но я порой так, как соску... Но на сцене — бывает, есть два спектакля, где я курю. Так что — балуюсь.

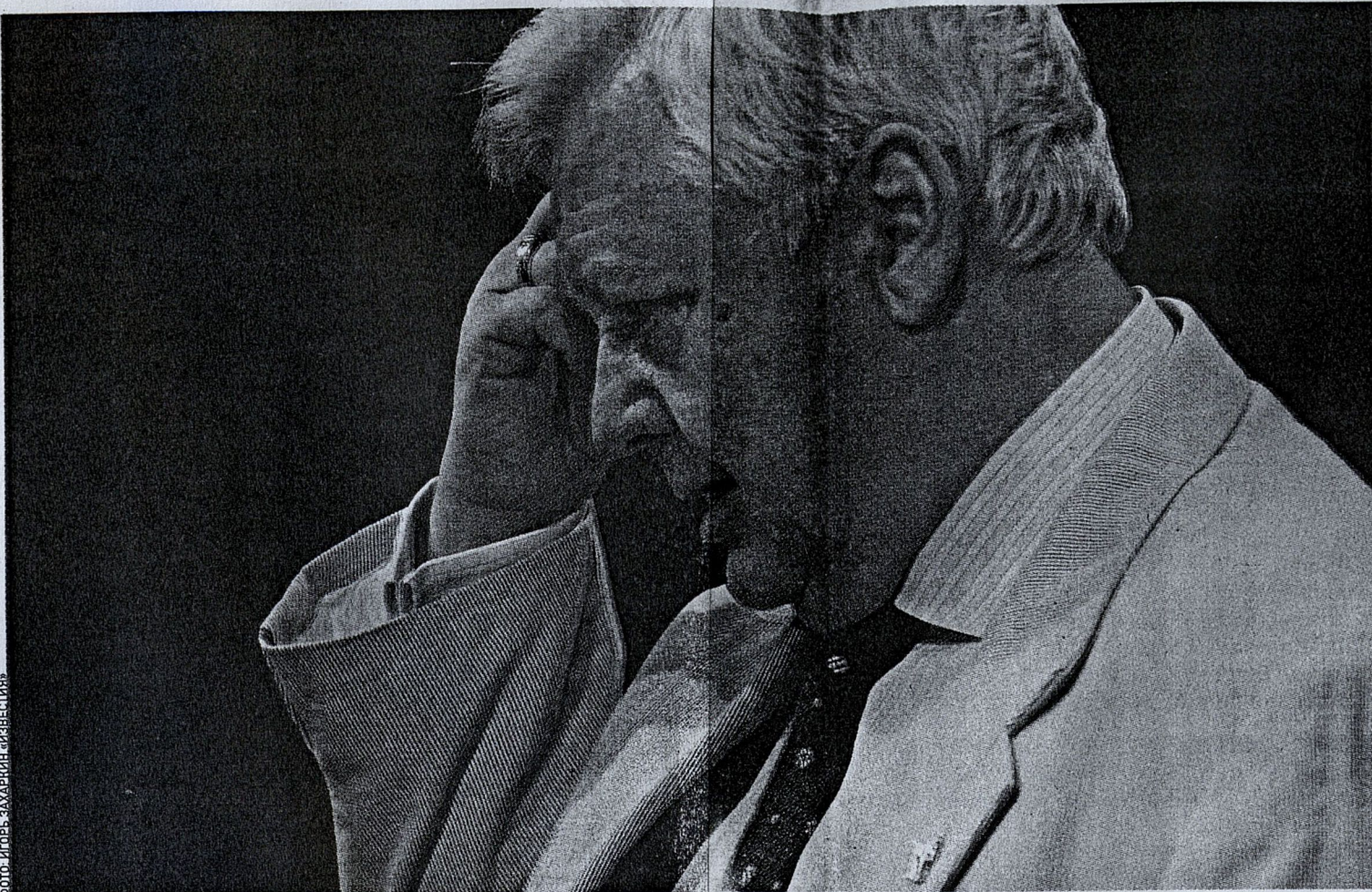
Известия: После инфаркта, который у вас случился в 29 лет, вы эту привычку не бросили хоть на время?

Табаков: Нет, по молодости лет. **Известия:** На вас не произвело впечатления слово «инфаркт»?

Табаков: Ты знаешь, не произвело.

«На Михаила Афанасьевича цветков не хватило»

Следующий пункт — Новодевичье кладбище. Олег Павлович

каждый год приходит сюда по окончании сезона: «Для актеров сезон — основная единица измерения жизни. Когда один сезон ушел, а другой еще впереди, я прихожу к своему учителю, Василию Осиповичу Топоркову». Мы выходим, и даже тут, у входа на Новодевичье, неудержимы проявления любви народной к Табакову. Мужичина высовывается из машины и радостно кричит: «Олегу Табакову привет!» Табаков отвечает на приветствие, покупает в магазине цветы, а на выходе — другая поклонница, пожилая дама: «Олег Павлович, здоровья вам, и Мариночке, и Пашеньке».

Табаков благодарит, и мы под легким накрапывающим дождем идем к могиле Никиты Сергеевича Хрущева. Олег Павлович кладет две гвоздики: «Этот человек дал возможность опубликовать «Один день Ивана Денисовича», и после этого для меня началась другая реальность. А потом он разрешил «Современнику» родиться. Я дружил с его дочерью, с его зятем Аджубеем. Конечно, не потому, что они имели отношение к генсеку, мне просто нравились эти люди».

Пока мы идем от могилы Хрущева к месту, где похоронен учитель Табакова Василий Осипович Топорков, Олег Павлович рассказывает о своих ушедших близких: «В детстве самым моим любимым и любящим меня человеком была бабушка. Она стала первой потерей в моей жизни. Страшная беда, которая началась с войной, закончилась смертью бабушки — она умерла после победы. И когда это случилось, я понял, что самая счастливая пора моей жизни закончилась. Все, точка. А потом и баба Аня умерла. Но это все для моих близких людей, для моей семьи, было естественной частью жизни — и рождение, и смерть, и похороны, и наша горе. Как праздновали Пасху или Рождество, так и хоронили своих умерших — это нормальная составляющая жизни, или бытия».

Известия: А ваш старший сын Антон застал бабушку?

Табаков: Конечно. Ему любви досталось много. Моя мама его опекала и обожала. А незадолго до того как у меня появились дети, наша соседка по коммунальной квартире из Саратова, Марья Николаевна, решила приехать ко мне. Она и была второй бабушкой Антона, и очень много любви в него вложила. Помню, с ней еще до рождения Антона такой инцидент произошел. Она была верующим человеком и собралась поминать. Купила

саван, тапочки, позвала меня и говорит: «Вот книжка сберегательная, похоронишь меня». Я обиделся: «Я вас за свой деньги похороню». А в это время, буквально в эти дни, моя первая жена Люся родила дочку Сашу. И Марья Николаевна встала, бросила умирать и жила еще восемь с половиной лет. Ответа мою дочь во второй класс и померла. Это был один из самых сильных жизненных уроков. Мы подходим к могиле учителя Табакова, Станиславского, Ефремова и Чехова.

Олег Павлович кладет цветы. Оглядывается назад, на могилу Булгакова, и отмечает: «На Михаила Афанасьевича цветков не хватило». — «МХАТ вообще к нему всегда был несправедлив».

Известия: У вас остались друзья, которые были с вами в детстве, юности — и дальше?

Табаков: Умерли. Двое таких у меня было — Миша Свердлов, который умер в Израиле, так и не реализовав свой актерский и режиссерский талант. И Слава Нефедов, который окончил Щепкинское, потом работал в провинции и наконец — в московском театре «Вернисаж». Он тоже помер два года назад.

Известия: Помните свою первую встречу с Топорковым?

Табаков: Он сидел за столом, в центре приемной комиссии, было очень жарко — и он часто обмахивался ярким шелковым платком.

Известия: Он, конечно, потом бывал на ваших спектаклях.

Табаков: Я видел, что он радовался за меня. Первый мой спектакль большого, я бы сказал, концертного успеха — «Третье желание», комедия, поставленная Женей Евстигнеевым. Тогда я и понял, что в комедии хлеб мне обеспечен. Я играл образцового мещанина, майора. Там была сцена, на которую зритель реагировал очень бурно, — когда в течение получаса выпивал бутылку коньяка. Я придумал себе такую репризу: когда в очередной раз выпивал, то говорил: «Причина та же». На какое-то время эта фраза даже вошла в обиход в Москве... Василий Осипович пришел и по-отечески, серьезно, меня журил: «Ты что сразу все карты выдаешь? Надо потихоньку разворачивать образ».

Очень мудрые слова говорил. Основной учитель ремесла моего, которым я на жизнь зарабатываю, — конечно, Василий Осипович. Мне кажется, ученик должен удивленно смотреть на

чителя: «Как он это сделал?» Вот как я и глядел на моего учителя. Ведь сейчас в Москве, дай бог, пять человек, которые могут научить актерскому мастерству.

А моя актерская родословная ведется от Владимира Николаевича Давыдова, знаменитого актера Малого театра, — он был учителем Топоркова. А Давыдов считал своим учителем Михаила Семеновича Щепкина. Так что мои ученики остаются последними в этой цепи.

Известия: Может, кто-то из них, например Евгений Миронов, еще наберет курс актеров когда-нибудь?

Табаков: Когда он наконец переиграет все главные роли в спектаклях мирового репертуара, думаю, он придет к педагогике.

«В молодости мне отчаянно нужны были деньги и никто, кроме моей мамы и «Мосфильма», не помог мне»

«Я научился не засыпать на симфонических концертах»

Мы едем к одному из самых важных театральных домов в жизни Табакова — «Современнику». Табаков просит остановить машину у входа.

Известия: Вы часто проезжаете мимо этого здания. Есть ностальгия?

Табаков: Нет.

Известия: Так не может быть.

Табаков: Может. Если ностальгия и есть, то с оттенком печали по поводу нереализованности намерений. Я ведь вообще человек не рефлексирующий, а скорее, бульдозер. И нынче главное, связывающее меня с этим театром, — это Валька Гафт. Он ведь с моего курса, или я с его курса... И всякий раз, когда я вижу его, радуюсь. Еще — Галя Волчек, которую я люблю. Все равно люблю.

На этом похвальное слово театру, где Олег Павлович проработал больше двадцати лет, закончилось, и мы поехали к театру на Чапыгина, знаменитой «Табакерке». К этому зданию Олег Павлович подходит с гораздо большей охотой и бодростью: он ведь отец-основатель, хозяин. Все здесь сначала было в его ведении — и

хозяйственные дела, и художественные. Теперь много сил отнимает МХТ. Мы останавливаемся у входа в «Табакерку».

Табаков: Жители этого дома поначалу вели себя достаточно враждебно к нашему театру. Подвал им нужен был для иных целей, ведь здесь живут состоятельные люди. Было много протестов, судебных исков.

Известия: Как вы пытаетесь погасить ревность ваших учеников к Художественному театру, к тому, что вы теперь занимаетесь все-таки преимущественно им?

Табаков: Я умудряюсь довольно разумно эту ревность канализировать. Ведь когда мне досталось это наследство, оно было в руинах. В зале было сорок — сорок два процента зрителей. И поначалу я сделал так, что спектакли МХАТа шли в пятницу-субботу-воскресенье, а в остальные дни на этой сцене играл «подвал». И в результате зрители подвала стали обновленной аудиторией МХАТа.

Известия: Я помню, как на прошлом сборе вашей труппы в «Табакерке», когда речь зашла о новом спектакле и о возможности кого-то пригласить, ваши актеры кричали: «Не надо нам приглашенных!» Справимся сами!

Табаков: Они ведь безосновательно ощущают себя мощной командой: Смольков, Хомяков, Мохов, Беляев, Егоров, Безруков. Есть в другом театре такое же созвездие, принадлежащее этому поколению? Олег Ефремов лет двенадцать назад впервые сделал мне предложение объединить мой театр и МХАТ. Мы тогда с ним сидели в кафе «Ностальгия» и обсуждали его предложение. Я пришел к своим и рассказал об этом. Они категорически отказались.

Известия: А потом вы решили с ними уже не советоваться.

Табаков: Да, потом принял решение единолично.

Известия: Вы не делите эти два театра на прошлое и настоящее?

Табаков: Нет. Могу только повторить: я в МХТ человек из ведомства Шойгу (смеется).

Наш дальнейший маршрут — к дому на Большой Молчановке, где Табаков, когда был студентом, прожил три года. По пути проезжаем небольшое здание, и Табаков рассказывает, что «здесь была Тургеневская библиотека, где мы готовились к экзаменам. Вообще, этот район очень много значит в моей жизни. Недалеко отсюда мы с Мариной расписались. Около

метро «Чистые пруды» находится Дом пионеров, с которого моя студия начиналась. И в этом дворце пионеров работала мама экс-главы администрации президента Волошина. Он даже говорил, что хотел поступать в мою студию. Вот как переплетаются пути-дороги».

Олег Павлович указывает шоферу, куда ехать. Ищем дом. Табаков останавливает машину, оглядывается, задумывается. «Ой, беда!» — «Что такое, Олег Павлович?» — «Дома нет...» Выскальзывает из машины, озирается. «А, вот он! Ну слава богу, а то я уж думал... Кошмар. Чего ты смеешься? Вот так и сходят с ума...» Выходим из машины около небольшого сталинского дома. В одну из квартир на предпоследнем этаже дома номер восемнадцать переехал Табаков, когда учился на третьем курсе.

Табаков: Мой однокурсник в Школе-студии МХАТ была Сусанна Павловна Серова. Я часто бывал в этом гостеприимном доме, и в трудный для меня момент внучка художника Серова, Ольга Александровна Серова-Хортик, отвезла меня на Молчановку. И здесь я прожил три года. Здесь я и стал обретать человеческий облик. Я прошел в Музее имени Пушкина как бы ликбез в отношении всего, что касается живописи, ваяния и зодчества. Стал посещать Большой зал консерватории. Там я, будучи приведен Ольгой Александровной Серовой на первый свой симфонический концерт, проспал значительную его часть. И постепенно научился не засыпать.

Известия: Сколько вы не были в этом доме?

Табаков: Пятьдесят лет. (Смеется.)

Известия: Почему смеетесь?

Табаков: А как всерьез произносить такие цифры? Как кто-то правильно заметил, драма не в том, что мы старимся, а в том, что в душе остаемся молодыми. Что такое старость? Это оскудение мышц, а душа ведь не стареет.

Известия: Олег Павлович, мы проезжаем мимо другого МХАТа — имени Горького, театра Татьяны Дорониной.

Табаков: Мы Леонтьевский переулок проезжаем, дом Константина Сергеевича Станиславского. Это более важно.

«Надо же на что-то покупать рыбок?»

У Шлагбаума в Камергерском переулке машину останавливает охранник. Лицо его сурово. «Куда едете?» — «Новенький, что ли?» — интересуется шофер. Пока охранник готовится обижаться, Олег Павлович выглядывает из окна: «Меня зовут Олег Табаков». Охранник бегит поднимать шлагбаум, и мы въезжаем в Камергерский. Табаков выходит из машины и останавливается у главного входа в МХТ.

Табаков: С переходом во МХАТ у меня не было выбора. Если бы я мог назвать человека, который мог бы сделать это лучше меня, я б назвал. И поверьте — я бы денег значительно больше заработал. Американцы, европейцы платят за кино хорошо. Конечно, я понимаю, что нанес урон театру на Чапыгина, нашему «подвалу». Но все равно помогаю. И достаточно интересно сформировал сезон будущий.

Мы входим через служебный вход, и тут Табакова ловит его пресс-секретарь и обсыпает вопросами-упреками: «Олег Павлович, я так мучаюсь, чтобы организовать вам интервью с центральными газетами, вы от всех отказываетесь, а тут я вдруг узнаю, что вы дали интервью газете с ничтожным тиражом,

какого-то маленького городка». — «Я дал интервью только одному журналисту из провинциальной газеты». — «Не царское это дело — давать интервью провинциальной газете», — стонет царедворец. «Обещал — значит должен». Табаков направляется к своему кабинету, секретарь — рядом: «Готовится передача к юбилею Валентина Гафта». — «Это обязательно. Сегодня после спектакля пусть приедут». — «Зачем после спектакля, почти ночью? Может, быть, в антракте?» — «Можно и в антракте». — «Конечно. Вы Тарпофа играете. Парик снимем — и все...» Мы входим в кабинет худрука МХТ.

Известия: В России в подавляющем большинстве актеры живут за чертой бедности. Чего не скажешь о тех, кто играет в двух театрах, которыми вы руководите.

Олег Табаков: Я так много наслаждался словоблудия о гражданственности, инакомыслии, сопротивлении власти и так далее, что твердо знаю: те, кто много разговаривает в этом русле, мало или совсем мало делают. Я предпочитаю дело. То есть делаю то, что подсказывает мне мой жизненный опыт. Потому что я помню, как в молодости мне отчаянно нужны были деньги и как никто, кроме моей мамы и «Мосфильма», не помог мне (смеется).

Я нередко вижу либо ханжество, либо некоторую интеллектуальную жуликоватость моих коллег, которые делают вид, что так заняты принятием решений на горних высях, что нет им дела до презренной прозы, в которой прозябают их ведомые.

Известия: В связи с таким пристальным вниманием к этой «прозе» у вас не изменилось отношение к вашему молодому герою из фильма «Шумный день», который саблей крушил мебель, выражая презрение к мещанскому покою и уюту?

Табаков: Я думаю, что сейчас, в данной ситуации, он бы поступил так же, как я. Именно это во мне говорит, а не что другое. Надо же на что-то покупать рыбок? Разве это не важно? Табаков вдруг свистит оглушительно — вызывает секретаря. Влетает женщина. «Оля, сколько завтра идет репетиция?» — «Полтора часа». — «Сколько идет показ на третьем курсе?» — «Два сорок». — «Я посплю перед спектаклем. Часика полтора, в гримерке».

Идем в гримерку Табакова. По пути он звонит сыну Антону: «Сынок, сегодня вечером сядем где-нибудь и поьем чаю». В гримерке — широкая кровать, холодильник, о котором Табаков с любовью говорит «Там — все мое!»

Известия: Что это за фотография, где вы в женском платье на какой-то вечеринке?

Табаков: Это юбилей Вальки Гафта. Я решил его разыграть, а он долго не мог понять, что происходит: откуда эта девушка взялась, из какого эпизода его юности (смеется).

Известия: Как вам удалось заснуть посреди дня на час-полтора?

Табаков: Опыт. Я пришел на радио, когда мне было двадцать, и там работал с Пляттом, Весником, Дудником, Грибовым, Яншиным, Плотниковым... Это были допущенные к кормушке люди. Основные свои деньги я заработал на радио. И когда было тридцать минут записи без меня, я за ширмой на полу устраивался поспать. Откамарил — и снова за работу...

Я оставляю Табакова в гримерке — сон перед спектаклем это святое. Скоро у него спектакль — он играет Тарпофа, а Марина Зудина — Эльмиру.

Шумный день. 1960

Чистое небо. 1961

Испытательный срок. 1961

Война и мир. 1967

Достояние республики. 1971

Семнадцать мгновений весны. 1973

Несколько дней из жизни Обломова. 1981